

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ

В. Д. ДЕНИСОВ¹

*Российский государственный гидрометеорологический
университет*

К «ИСТОРИИ ДВУХ ИВАНОВ» Н.В. ГОГОЛЯ

Статья посвящена главным героям «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834) Н.В. Гоголя. В центре внимания – творческая история повести, ее оценка А.С. Пушкиным, причины вмешательства цензуры, многообразные связи текста с творчеством В.Т. Нарезного и популярными западноевропейскими произведениями. Такие переключки и параллели помогали читателю дать оценку героям, их поступкам и увидеть сатирическую картину нравственных болезней российского общества.

Ключевые слова: повесть о ссоре двух Иванов, альманах «Новоселье» (1833-1834), сборник «Миргород» (1835), повесть В.Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825), западноевропейские классические произведения.

V. D. DENISOV

Russian State Hydrometeorological University

TO THE "HISTORY OF TWO IVANS" BY N.V. GOGOL

The article is devoted to the main characters of the "Tale of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich" (1834) by N.V. Gogol. The focus is on the creative history of the story, its assessment by A.S. Pushkin, the reasons for serious censorship, the diverse links of the text with the work of V.T. Nareznyi and popular Western European works. Such similarities and parallels helped the reader evaluate the heroes, their actions and see a satirical picture of the moral diseases of Russian society.

Keywords: a story about a quarrel between two Ivans, the almanac "Novoselje" (1833-1834), the collection "Mirgorod" (1835), the story of V.T. Nareznyi "Two Ivans, or Passion for litigation" (1825), Western European classical works.

¹ Владимир Дмитриевич Денисов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка в Российском государственном гидрометеорологическом университете (РГГМУ, Санкт-Петербург).

В предшествующей статье [см.: Денисов, 2019] мы охарактеризовали Ивана как типичного «среднего» героя ранних гоголевских произведений. В противоречиях его жизни и характера отражались основные национальные противоречия. Это подтверждали переключки со сказкой, легендой, театром-вертепом и другими славянскими повестями и/или комедиями. Местом действия обычно была провинция, особенно «глубинка», где сохранялись изначальные народные черты, обычаи, творчество... А возникавшие в повествовании яркие сравнения и параллели с западноевропейской классикой, популярными переводными вещами (и даже их переложения!) должны были восприниматься читателями как извечные жизненные коллизии – при всем несоответствии национальной действительности европейскому укладу жизни.

Эти особенности характеризуют и гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Она впервые появилась в альманахе А.Ф. Смирдина [Новоселье, 1834, с. 475-569] с подзаголовком «Одна из неизданных былей пасичника Рудого Панька», подписью «*Рудый – Панько*» и датой «1831». Так автор указал на ее связь с 1-й частью «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (видимо, к тому времени относились замысел повести и его первоначальная разработка). Однако в дневнике А.С. Пушкина есть запись от 3 декабря 1833 г.: «Вчера Гоголь читал мне сказку, *Как Ив.<ан> Ив.<анович> поссорился с Ив.<аном> Тимоф.<еевичем>*, очень оригинально и очень смешно» [Пушкин, 1949]. А это могло произойти лишь по завершению работы над «сказкой»¹ в ноябре 1833 г., ко времени сдачи в цензуру материалов для второй части альманаха, хотя в письмах автор называл эту вещь «старинной, писанной за царя Гороха» [Гоголь, 1937-1952, т. X, с. 283]². Кроме того, из записи, если поэт не ошибся, следует, что значимое отчество второго Ивана было от имени Тимофей – *греч.* ‘почитающий Бога’ или ‘богобоязненный’³, – так звали ученика и спутника апостола Павла (затем он стал епископом в Эфесе и погиб за веру в конце I в.).

¹ На рубеже 1820-1830-х годов повесть нередко отождествляли со сказкой (см. об этом: Петрунина, 1981, т. 2, с. 502-504), как правило, подчеркивая, что такая повесть была «рассказанной», субъективной.

² Далее везде цит. по этому изд., указывая в круглых скобках после цитаты через запятую: том – римской цифрой, страницу – арабской.

³ Здесь и далее, определяя значение имен, мы опираемся на словарные статьи и комментарии в изд.: [Фасмер, 1986-1987; Суперанская, 2005].

Хотя на первых порах «сказку» миновали цензурные придирки, они возникли позднее, когда уже отпечатанный материал стал просматривать новый цензор А.В. Никитенко. Примерно в то же время он отмечал в дневнике: «Был у Плетнева. Видел там Гоголя: он сердит на меня за некоторые непропущенные места в его повести, печатаемой в “Новоселье”. Бедный литератор! Бедный цензор!» [Никитенко, 1955, т. 1, с. 142]. Такие восклицания объясняются строжайшими директивами, которые давали цензору министр народного просвещения граф С.С. Уваров и управляющий III-м отделением Собственной Е. И. В. канцелярии генерал А.Х. Бенкендорф.

Повесть была перепечатана с незначительными поправками в сборнике «Миргород» [Гоголь, 1835, ч. 2, с. 97-215]. Однако уже в советское время в одной из книг этого издания исследователи нашли неизвестное до того предисловие: «Долгом почитаю предупредить, что происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени. Притом оно совершенная выдумка. Теперь Миргород совсем не то. Строения другие; лужа среди города давно уже высохла, и все сановники: судья, подсудок и городничий – люди почтенные и благонамеренные» (т. II, с. 221). Так автор «задним числом» попытался смягчить сатиру, объявляя её просто «выдумкой» и ссылаясь на «прогрессивное» (и неизбежное!) течение времени. Для вставки текста он использовал большой «пробел», образовавшийся после набора повести, но затем отказался от своего намерения – скорее всего, опасаясь новых придирок цензуры.

Использованный Гоголем сюжет о вражде между соседями в Миргородском уезде был прежде разработан В.Т. Нарезным в повести «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (М., 1825). Вот почему читатели не могли не заметить тех принципиальных изменений, что внес молодой писатель. Его героями стали двое бессемейных одиночек, враждующих из-за собственности, тогда как у Нарезного оба Ивана – близкие родственники и люди семейные – враждуют с соседом Харитоном Занозой из-за его несправедливых поступков, хотя и платят ему той же монетой. Ссору усугубляет обращение обеих сторон в сотенную канцелярию и стремление во что бы то ни стало засудить соседа, решить дело в свою пользу любыми средствами. А разрешение конфликта происходит в семье: сыновья и дочери врагов влюбляются друг в друга, тайно вступают в церковный брак, рожают детей, а затем «приручают» отцов, заставляя их прекратить вражду и образовать одну большую семью с общим земельным владением. По Гоголю, прекратить конфликт двух Иванов не могут ни семьи (которых нет), ни церковь, ни деньги, ни провинциальное общество, а только смерть! Люди сами бездарно расходуют на тяжбу свои деньги, собственность, силы и – жизнь.

Кроме того, характеристика героев Гоголя обнаруживает мотивы широко известных тогда произведений древнерусской «смеховой» литературы о братьях Фоме и Ерёме – неудачниках во всем, за что ни возьмутся. И хотя братья постоянно противопоставляются, это, скорее, пародия или карикатура на контраст (как в гоголевской повести): «Ерема был крив, а Фома з бельмом, Ерема был плешив, а Фома шелудив...» И оба героя в конце концов погибают – так же нелепо, как жили. Примечательно, что их называют то «дворянскими детьми», то «торговыми людьми». А сюжет использовался в широко известной с начала XVIII в. лубочной картинке, в народном театре и раешными дедами, зазывалами балаганов.

Воздействие театра, вроде упомянутого в повести народного кукольного театра–вертепа, заметно в развитии сюжета, в диалогах, ключевых сценах (ссора, уничтожение хлеба, попытки примирить врагов, встреча в церкви). Особенности же комического сказа: алогизмы, нагромождение деталей, отступления, уводящие в сторону от действия, принципы речевой характеристики персонажей – во многом напоминали читателю известный роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767, рус. пер. 1804–1807), что не раз отмечалось в критике того времени. Кроме того, фарсовый колорит действия обуславливали и литературная, и фольклорная традиция, прямое и скрытое цитирование малороссийских комедий И.П. Котляревского и В.А. Гоголя-отца.

Само заглавие повести пародировало названия известных в России конца XVIII в. авантюрно-нравоописательных произведений, как правило, переведенных с французского, – таких, как «Повесть забавная о двух турках...» и «Повесть о страстях или приключениях...». Явно пародийными были названия глав, восходящие к знаменитому роману «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» М. де Сервантеса и популярному роману А.-Р. Лесажа «История Жиль Блаза из Сантьяны» (например, «Глава I. Что сделали Жиль Блаз и его товарищи, расставшись с графом Поланом»), а известный тогда роман «История Тома Джонса, найденьщика» Г. Филдинга включал «Главу III, которая еще важнее прежней» и т. п.

В повести также пародировались формы и язык судебных бумаг, поданных Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем друг на друга в поветовый суд, которые, в свою очередь, напоминали определения сотенной канцелярии из повести «Два Ивана»

Нарежного. Сходство этих «документов» подкреплялось опорой Гоголя на примеры украинско-русского «приказного» бумаготворчества из его гимназической «Книги всякой всячины» и на распространенные тогда канцелярские образцы жалоб в уездные суды – как в справочнике И. Моркова «Всеобщий стряпчий, или Поверенный, показующий формы, примеры и обряды, как и на какой бумаге пишутся...» (6-е изд. – СПб., 1820–1821).

Изображение «неправедного» судопроизводства в своей основе опиралось и на ту же повесть Нарежного о двух Иванах, и, конечно, на знаменитую комедию «Ябеда» (1798) жившего в Миргородском уезде В.В. Капниста, которого Гоголь видел в детстве, и на басню «Два соседа» (1779) И.И. Хемницера, где была изображена разорительная тяжба из-за свиньи. Картины абсурдных судебных порядков воспроизводили популярные в то время переводные романы В. Скотта «Эдинбургская темница» (1818; рус. пер. 1825), О. Бальзака «Турский священник» (ориг. изд. и рус. пер. 1832), Ф. Купера «Пионеры» (1823; рус. пер.: «Поселенцы», 1832). В книге К.М. Виланда «История абдеритов» (1780; рус. пер. 1793–1795) изображение «земного града» глупцов и соответствующего этому «правосудия» во многом напоминали гоголевский Миргород¹, ибо его обитатели, чьи имена и отчества легко «дешифровались» образованными читателями, мало чем отличались от «абдеритов».

Так, славянское имя Иван (напомним: от *др.-евр.* Иоанн – ‘милость Божья’), самое распространенное тогда во всех российских условиях, обозначало и обычного, «среднего» человека. То есть Иван Иванович как герой уже в известной мере зауряден, «усреднен». Почти таков же и его сосед Иван Никифорович, чье отчество добавляет к имени значение «победности» (*греч.* *nikethoros* – ‘победитель, победоносец’). Сближает тезок-соседей и то, что сожительница Ивана Никифоровича – благородная Агафия Федосеевна – оказывается тезкой украинской девки Гапки, так же незаконно живущей с Иваном Ивановичем: имя «Га́па, Га́пка, Гапу́ся – Агафия» из гоголевского списка «Имена, даемые при крещении» (IX, с. 513) означает ‘хорошая, добрая, благородная’ (от *др.-греч.* *agathe*). А отчество Агафии Федосеевны представляет собой патроним русского имени «Федосий» (от Феодосий – *др.-греч.* *Theos+dosis* – ‘Богом данный’), как бы намекая на то, что она предназначена своему сожителю «свыше», несмотря на некоторое его сопротивление. Апогеем ее характеристики становится сообщение: эта достойная добрая женщина – «та самая, что откусила ухо у заседателя» (т. II, с. 223).

¹ Все указанные параллели отмечены в изд.: [Вайскопф, 2002, с. 311–313].

В Миргороде трусливый приживальщик, утративший все свое имение, носит «боевое» имя Антон (*церк.* Антоний из *лат.* Antonius – возможно, от *др.-греч.* ‘вступающий в бой, состязающийся в силе’; вспомним знаменитого древнеримского полководца Марка Антония!) и отчество Прокофьевич – патроним русского имени Прокофий (разг. Прокоп от *др.-греч.* прокоре – ‘успех, преуспевание’). Покровителя этого имени Прокопия Кесарийского считали истинным аскетом: раздав свое имение нуждающимся, он сам скитался и нищенствовал. Но и Антон Прокофьевич, по словам автора, тоже «не имеет своего дома» и терпит издевательства: «У него был прежде, на конце города, но он его продал и на вырученные деньги купил тройку гнедых лошадей и небольшую бричку, в которой разъезжал гостить по помещикам. Но так как с ними много было хлопот и притом нужны были деньги на овес, то Антон Прокофьевич их променял на скрипку и дворовую девку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. Потом скрипку Антон Прокофьевич продал, а девку променял за кисет сафьянный с золотом. И теперь у него кисет такой, какого ни у кого нет. За это наслаждение он уже не может разъезжать по деревням, а должен оставаться в городе и ночевать в разных домах, особенно тех дворян, которые находили удовольствие щелкать его по носу (т. II, с. 266).

У его благородных обидчиков, составлявших миргородское общество, – христианские имена, греческие в большинстве своем, да еще с однокоренными патронимами, как бы усиливающими значение имен. Но их носители явной бездуховностью противоречат прекрасному прямому и опосредованному значениям своего имени. Так, закоренелый бездельник судья своим поведением опровергает смысл онимов Демьян Демьянович, ибо Дамиан (*др.-греч.* ‘покорять, усмирять’) даже именем призван оказывать могучее покоряющее и усмиряющее воздействие, а ничтожный увечный городничий Петр Федорович – не только тезка императора Петра Первого, но и полный тезка «последнего Петра», покойного Петра III. На «ассамблее» городничего присутствуют «Тарас Тарасович, Евпл Акинфович, Евтихий Евтихиевич, Иван Иванович, Савва Гаврилович, наш Иван Иванович, Елевферий Елевфериевич, Макар Назарьевич, Фома Григорьевич» (II, с. 264). Украинское имя Тарас (от *др.-греч.* ‘волновать, возбуждать, тревожить’) имеет значение «бунтовщик, мятежник», а усиление его одноименным патронимом угрожает спокойствию в обществе. Редкое крестильное имя Евпл произошло от *др.-греч.* eu – ‘хорошо’, pleo – ‘плыть’; Акинфович – патроним от Акинфий (*др.-греч.* ‘яхонтовый’ в смысле «драгоценный»). Евтихий – *др.-греч.* ‘счастливым, успешным’. Савва – от *др.-греч.* ‘родившийся в

субботу»; Гаврилович – патроним от Гавриил (*др.-евр.* ‘воин Бога’). Елевферий – *др.-греч.* ‘свободный’. Макар – от Макарий (*др.-греч.* ‘блаженный, счастливый’); Назарьевич – патроним от Назар / Назарий (*др.-евр.* ‘посвященный Богу’). Фома (*др.-евр.* ‘близнец’) – это имя апостола, а патроним Григорьевич – от Григория (*др.-греч.* ‘бодрствующий, энергичный’), такое имя носили многие монахи и папы, и недаром это имя и отчество дядька-рассказчика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Между тем, механическое повторение онимов в патронимах может означать некую родовую предопределенность судьбы носителей имени, ее ограниченность, уже заранее известность.

Впрочем, в основе повести угадываются христианские заповеди: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не войдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Мф. 5:25-26); «И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?» (1 Кор. 6:7). А преступление заповедей подчеркнуто тем, что герои продолжают враждовать и в церкви, хотя сказано: «Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (Кол. 3:12-13). Из жалобы Ивана Ивановича на соседа следует, что они оба – прихожане церкви Трех Святителей, то есть Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, которые жили в IV в. в Константинополе и делали всё для устранения распрей между православными христианами, своими последователями, подавая им пример. Для Византии эти Святители были самыми любимыми и почитаемыми, но представлять их единым целым стали позже, в XI в., когда спор об их значимости вспыхнул среди «самых образованных и искуснейших в красноречии людей». Одни ставили выше Василия Великого, другие Григория Богослова, третьи – Иоанна Златоуста. Тогда Святители привиделись песнописцу Иоанну Мавроподу, митрополиту Евхаитскому; они заявили о своем равенстве пред Господом, повелев праздновать память их в один день и сочинить гимны для общего последования. Тогда в их честь был установлен праздник, сочинены каноны, гимны, стихотворения, их впервые изобразили на иконах. Учения Трех Святителей, их богословские сочинения и они сами для Церкви – одна из основ Православной веры, пример христианского согласия и борьбы с ересью, необходимый в дни духовных шатаний и нестроений.

На этом фоне привлекает внимание дотошная хронология повести, своей «обычной» пошлостью как бы противопоставленная героической истории России. Так, в прошении Ивана Ивановича сказано, что «смертельная обида» ему была нанесена «сего 1810 года июля 7 дня». Перед ссорой он говорит соседу, что «три короля объявили войну царю нашему» и, по его предположению, «хотят, чтобы... все приняли турецкую веру» (т. II, с. 235). Хотя всё это звучит сказочно, но основывается на реальных событиях. В 1809 г. Россия действительно вела **три** войны: Русско-турецкую (1806 – 1812) и Русско-шведскую (1808 – 1809), а летом 1809 г. формально участвовала в войне с Австрией на стороне Франции. Далее сказано, что нога городничего была «прострелена в последней кампании» 1807 г., но тогда же, по словам героя, он лазил «через забор к одной хорошенькой немке» [см. об этом: Кошелев, 2008, с. 62].

Иван Никифорович также называет датой ссоры «7-е число прошлого месяца» (то есть прошел почти месяц, пока стороны начали тяжбу), а повторное его прошение, взамен утащенного «бурой свиньей», в суде «пометили, записали, выставили номер, вшили, расписались, всё в один и тот же день, и положили в шкаф, где оно лежало, лежало, лежало год, другой, третий...» – с 1810 г. (т. II, с. 263). То есть «ассамблея» городничего была в 1813 г., при этом в доме отставного военного не упоминали ни про Отечественную войну, ни о заграничном походе русской армии, – гости говорили сразу «о многих приятных и полезных вещах, как то: о погоде, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах», наконец, о давней ссоре двух друзей (т. II, с. 265). Затем, после неудачной попытки их примирить, минул «целый месяц», пока не пришли в действие «дедовские карбованцы» Ивана Ивановича, и его «с того времени палата извещала ежедневно, что дело кончится завтра, в продолжение десяти лет» – по 1823 г. (т. II, с. 274). Дальше повествование связывает это общее время действия с личным временем рассказчика: по его словам, он оказался в Миргороде «назад тому лет пять», после того как не был в нем «двенадцать лет» (то есть лет 16 – 18, при конечной дате появления повести как «вести о прошедшем» в 1834 г.), – следовательно, он покинул город не раньше 1816 г., когда ход (исход!) тяжбы был вполне ясен. Что же особенного он рассказывает о двух Иванах? И почему их ссора так взбудоражила Миргород?

Во-первых, это были, по общему мнению, два «таких между собою приятеля, каких свет не производил», они и «прежде были известны за самых неразлучных друзей!» (т. II, с. 225, 238), но *вдруг...* люто возненавидели друг друга и подали бумаги в суд. Во-вторых, самое удивительное то, что лишь они ссорятся в бесконфликтном

Миргороде **открыто**, – вот почему их вражда всех поражает: ведь другие, даже близкие родственники, просто «живут между собою, как собаки», по словам судьи, оттого и хотели бы видеть в «двух единственных друзьях» недостижимый (и непостижимый для себя!) идеал. По представлениям того времени, **дружба** – как бы одна душа «напополам», когда друзья едины в мыслях, отношениях, вкусах... Тогда были актуальны античные образцы дружбы: родственной – близнецов Кастора и Полидевка Диоскуров (покровителей дружбы), героической – Ореста и Пилада, Ахилла и Патрокла, чьи имена стали нарицательными и вошли в пословицы. Считалось, что способны дружить только нравственные, душевные, благородные люди. По Аристотелю, дружба есть величайшая социальная и личная ценность, самая необходимая в жизни: друзья дороже всех прочих благ. Однако не может быть искренней или прочной дружба, основанная на соображениях пользы или удовольствия, настоящая же бескорыстна, ибо отношение к другу в принципе не различается с отношением каждого к самому себе. Кроме того, в Малороссии были живы и, в связи с польским вопросом, актуальны представления о побратимстве козаков. Какой же была «трогательная дружба» Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, да и была ли она вообще?..

...и выясняется, что восторженно и тщательно, обрисованные повествователем эти «два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода» – на самом деле «существователи», которые, говоря словами юного Гоголя, «задавили корою свой земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека» (с. X, с. 98)¹. Их «героические» черты – лишь маска, прикрывающая корысть, эгоизм и безнравственность, их дружба и благочестие показные, они ходят в церковь, но в сердце лицемерны и немилосердны, ведь главное для них – **довольство собой, своим** положением, Домом и другой собственностью.

Так, Иван Иванович ходит в церковь лишь в воскресенье, «обыкновенно помещается на крылосе и очень хорошо подтягивает басом» (с. II, с. 225)², а после службы долго, вдумчиво и «человеколюбиво» спрашивает нищих, но не подает ни копейки милостыни. Причем диалог с ними строится по образцу известной тогда интермедии в народном кукольном театре-вертепе. Там спорили

¹ В том же письме Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 г. Гоголь высказал опасение, что и его «неумолимое веретено судьбы зашвырнет... с толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) в самую глушь ничтожности...» (т. X, с. 101).

² На клиросе (возвышенной предалтарной части у иконостаса) во время богослужения находятся певчие, чтецы, причетники и лица священного сана, если те не участвуют в службе. Иван Иванович к ним не относится и потому не должен там находиться.

Запорожец (большая и красивая кукла) и Цыганка, которая за свою «ворожбу» и «танцы» требовала у него: «Не жалуй, батеньку, копійчки, та дай дві». – «Що ти, цыганко, кажеш? Бо як просять, то недочуваю (недослышу. – *В.Д.*)», – вопрошал он, а на повторную просьбу удивлялся: «Да на що тобі?» – «Я б собі рибки купила». – «А може б ти и товченики їла?» – «Та їла б, та де-то їх узять?» – «Чому ти мені давно не сказала! – восклицал Запорожец. – Я б тобі ощо повну пазушину (пазуху. – *В.Д.*) надавав. От тобі товченики!» – приговаривал он и бил Цыганку, наказывая за жадность [цит. по: Перетц, 1895, с. 144 (украинские слова приведены в современном написании)]. Подобные действия мотивировались двумя значениями слова *товченик*: «кулинарное блюдо: вареный или обжаренный шарик из толченого (мелко посеченного) мяса» и «удар кулаком». Однако Иван Иванович, в отличие от Запорожца, нищенку не бьет и за это собой гордится, правда, недоумевая, почему та недовольна таким его гуманным отношением: «Чего ж ты стоишь? ведь я тебя не бью!» (т. II, с. 225)¹.

Таким образом, в повести о ссоре двух Иванов «средний» человек Нового времени представлен не просто **сиротой** (как герой повести «Вий» Хома Брут, оставленный обществом, родителями и товарищами) и/или **антигероем** – в отличие от **героев** повестей «Тарас Бульба» и «Старосветские помещики». Теперь он считает свое одиночество и заурядность высшим благом для себя, все свои действия – несомненно и единственно правильными и чванится невежеством и грехами как добродетелью. Проявляется это большей частью по мелочи. Вот, съев очередную дыню, Иван Иванович «сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: “Сия дыня съедена такого-то числа”» (т. II, с. 224), а когда ему предлагают чашку чая, он солидно несколько раз откажется, прежде чем взять. Городничий «при ежедневных рапортах, которые отдают ему квартальные надзиратели, всегда спрашивает, нашлась ли пуговица» от его мундира, которая «оторвалась во время процессии при освящении храма назад тому два года...»; он же сообщает, что «наукам не обучался никаким: скорописному письму... начал учиться на тридцатом году своей жизни» (т. II, с. 256, 259).

¹ Ср. в Соборном послании св. апостола Иакова: «Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: “идите с миром, грейтесь и питайтесь”, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (2:15-17), – а также в Первом соборном послании апостола Иоанна Богослова: «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев. А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, – как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (3:16-18).

Главные герои облачаются напоказ – и летом! – в такую богатую одежду, как *меховой* кафтан (бекешу), своего рода визитную карточку, по которой их должны ценить окружающие, но когда их не видят (и это не нужно), обнажаются частично или совсем, как бы не доверяя свое тело излишним обочкам одежды. Поэтому любое умаление собственного достоинства они почитают преступлением и ожесточенно мстят за него, даже если это грозит уничтожить их самих и все нажитое. Такой «смертельной для... чина и звания обидой» Иван Иванович считает «гнусное» уподобление «гусаку» (но пропускает мимо ушей более обидный из-за сопоставления мужчины с курицей тоже «птичий» глагол «раскудахтался»), ибо он гусаком «никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намерен», а доказательством собственного «дворянского происхождения» считает церковную запись про свое рождение и крещение («Гусак же <...> не может быть записан в метрической книге, ибо гусак есть не человек, а птица...») – т. II, с. 249).

Хуже обиды может быть только потеря собственности! Например, Антон Прокофьевич Пупопуз (или Голопузь – как, очевидно, шутит рассказчик) «не имеет своего дома. У него был <...> но он его продал; на вырученные деньги купил тройку... и небольшую бричку», а «их променял на скрипку и дворовую девку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. Потом скрипку... продал, а девку променял за кисет сафьянный с золотом...» (т. II, с. 266). И потому с ним «никто иначе не говорил, как шутя»; а иногда «клали ему на голову зажженную бумагу, чем особенно любили себя тешить судья и городничий», – то есть благородные люди издевались над беззащитным, а больше всего те, кто официально стоял на страже закона. Сам же приживала, в какой-то мере предтеча Ноздрева, принимал это как само собою разумеющееся и готов был на всё за приют и еду, при этом «божился десять раз на один час», клялся самым дорогим, поскольку его клятвопреступления абсолютно безнаказанны. Герой потерял себя, когда лишился собственности: он беззащитен, полностью зависим от других и «совершенно добродетельный человек во всем значении слова: даст ли ему кто из почетных людей в Миргороде платок на шею или исподнее – он благодарит; щелкнет ли его кто слегка в нос, он и тогда благодарит» (т. II, с. 266). Этот «голый человек на голой земле» бесприютен в ином, высшем смысле – оставлен Богом, а потому, не различая добра и зла, кисет и бричку, скрипку и людей (хотя и дворовых), лжет постоянно и нагло, без стыда, ибо полагает, как позднее некоторые герои Достоевского, что уже «всё позволено». Недаром среди героев-миргородцев нет священника даже в церкви – она «пуста» в праздничный день (т. II, с. 275).

Этот процесс ослабления, деградации духовного начала, связующего и удерживающего материальное, физическое начало мира (апостасия)¹, влечет неестественную активность телесного, животного и вещественного, и они обретают некую самостоятельность, как бы выходя из подчинения разуму. Отсюда глупость и скудоумие, отличающие рассуждения героев, нарушение ими логики, которое обычно связано с тем, что долг службы подчиняется личным интересам. Так, судья подписывает документ, который ему читали, хотя в то время был занят разговором и ничего не слышал; горюничий, явившись по долгу службы к Ивану Ивановичу, именуется «любезный друг и благодетель», туманно ссылается на «требования правительства», но в конце концов соглашается со всем, что сказал хозяин, выпрашивает у него хоть что-нибудь и «не получив никакого успеха, должен был отправиться восвояси» (а «протопоп отец Петр... всегда говорит, что он никого не знает, кто бы так исполнял долг Христианский и умел жить как Иван Иванович». – II, с. 224, 260–261). Подобные и даже более яркие «приметы времени» затем появятся в комедии «Ревизор» наряду со всеобщим «окаменением»...

Именно «телесное и статичное» у двух Иванов обуславливает ключевые сцены, напоминающие «живые картины» того времени:² «...Иван Никифорович, стоявший посреди комнаты в полной красоте своей без всякого украшения! Баба, разинувшая рот и выразившая на лице самую бессмысленную, исполненную страха мину! Иван Иванович с поднятою вверх рукою, как изображались римские трибуны! Это была необыкновенная минута! спектакль великолепный!» – но тут же единственный и такой же статичный зритель своим поведением подчеркивает неестественность и комизм происходящего: абсолютно равнодушный «мальчик в неизмеримом сюртуке, который стоял довольно покойно и чистил пальцем свой нос» (т. II, с. 238). И позднее в сцене, когда публика попытается примирить бывших друзей, их просто наталкивают друг на друга как два статичных предмета.

На фоне этих «неподвижных» героев, которые «большую часть лежат» (подобно Поприщину в «Записках сумасшедшего»), сидят или стоят, множатся их жесты и/или одно движение распадается на несколько фаз [см.: Белый, 1934, с. 160–163], а высказывание – на

¹ «Согласно христианскому пониманию истории, процесс апостасии (нового отступничества от Бога, Который есть любовь) связан... с подчинением человека собственным страстям и желаниям (злоупотреблением внешней свободой). ... этот процесс неизбежен и должен завершиться... приходом антихриста и победой Христа над ним в Своем Пришествии» [Есаулов, 1997, с. 33; шрифт изменен автором].

² Подробнее об этом см.: [Манн, 1988, с. 376].

отдельные фразы: «Иван Иванович, если попотчивает вас табаком, то всегда наперед лизнет языком крышку табакерки, потом щелкнет по ней пальцем и, поднеши, скажет, если вы с ним знакомы: “Смею ли просить, государь мой, об одолжении?” – если же незнакомы, то: “Смею ли просить, государь мой, не имея чести знать чина, имени и отчества, об одолжении?”». Мыслительные процессы речи и чтения обретают более физиологические черты: «Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно <...> Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке <...> Приятно! чрезвычайно приятно! как сон после купанья»; герой всегда читает одну и ту же книжку, названия которой «не помнит» (т. II, с. 226, 227, 239; ср., Манилов в поэме «Мертвые души»).

При том тело героев и/или его части склонны проявлять некое «самоуправство» (так, тело Ивана Никифоровича само по себе превышает нормальный объем; «самопроизвольно» движутся раненая нога городничего и нос судьи; когда герой «задумался», его глаза «перешагнули чрез забор во двор...»; и под.). В то же время предстают сознательными, человеческими некоторые инстинктивные действия животных: «собаки Ивана Никифоровича» видели в Иване Ивановиче «знакомое лицо» и потому ночью «позволили ему, как старому приятелю, подойти к хлеву», ибо «еще ничего не знали о ссоре», а «бурая свинья вбежала в комнату и схватила... прошение Ивана Никифоровича...» (т. II, с. 243, 255). И наоборот – люди уподоблены растениям, животным или неживому (хрестоматийное «Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх»; почтенная дама «откусила ухо у заседателя» как морковь; узкие двери делят Ивана Никифоровича на «переднюю половину» и «остальную»).

Поэтому границы живого и неживого, обычного и необычного оказываются смещены. Так, например, заявлено: у тех, кто прибыл на «ассамблею» городничего, есть разные «породы»... – однако далее характеризуются не лошади, а различные формы повозок. «Домы и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте» миргородской «прекрасной лужа» (т. II, с. 244), и сама она, занимая «почти всю площадь», представляется городничему «озером». Вот почему все большее место в мире и городе занимают животные, растения, постройки, вещи... рухлядь. Так, портрет Ивана Ивановича, начатый описанием натурального меха его бекеш и смушек, переходит... в описание дома, сада и огорода, где рядом с овощами есть «даже гумно и кузница», а к его дому «со всех сторон пристроены сени и сенички...

видны одни только крыши, посаженные одна на другую, что весьма походит на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, нарастающие на дереве» (т. II, с. 224). В Миргороде больше собак «попадает на улице, нежели людей...» (т. II, с. 230). «Тошная баба» выносит «выветривать» не предназначенные для этого и просто не нужные вещи, которые хранятся с «юбкой покойной бабушки», чиновничьей шпагой и сломанным ружьем (т. II, с. 228–230).

Это **не-оружие** и становится предметом раздора двух Иванов, ибо для каждого из них имеет разную ценность, символизирует различные идеалы (охоту, дворянство, безопасность и проч.). Причем выясняется: на самом деле каждый всегда считал себя выше другого и лишь «дарил» его дружбой, глядя на него как на пьедестал собственных добродетелей. Разразившаяся ссора Иванов и предшествующий ей диалог в «совершенно темной» комнате обнаруживают их духовную «темноту». Намеком на это можно понимать «солнечный луч», что проходил через комнату «и, ударяясь в противостоящую стену, рисовал на ней пестрый ландшафт из очерченных крыш, деревьев и развешанного на дворе платья, все только в обращенном виде. От этого всей комнате сообщался какой-то чудный полусвет» (т. II, с. 231–232). Такие подробности позволяют говорить о переключке с образом «пещеры» в 7-й книге «Республики» Платона [Вайскопф, 2002, с. 306–308], когда диалог не приводит к установлению истины, а само описание словно поясняет тезис философа об искаженном восприятии действительности людьми, которые как бы заключены в темную пещеру, и перед ними луч света извне рисует непонятные картины внешнего мира. Сама же обстановка «пещеры», где лежит голый человек, намечает атмосферу доисторических времен (вспомним мотив «дикой» стихии, тяготеющей к распаду и хаосу), а «чудный полусвет», подобный «чудному свету» в сцене колдовства из повести «Страшная месть» (т. I, с. 257), – это знак уже иного, вероятно, бесовского мира. Тем самым темная «пещера», где бушуют злые человеческие **страсти**, противопоставлена Храму.¹

Такое же, по существу, значение в конце повести обретает заключительный эпизод в церкви. Он переключается с трагической концовкой фрагмента «Бал» (1833) В. Ф. Одоевского: «темная музыка» страстей управляла танцующими «в сладострастном безумии» на бесовском балу, и утром рассказчик ушел оттуда, «истерзаный... мучительным весельем... выскочил на улицу из душных комнат» и увидел «растворенные двери храма.

¹ Ср. описание храма, где «служит» Платон, в философском диалоге «Женщина» (1831): «Свет сыпался роскошным водопадом чрез смелое отверстие в куполе на мудреца и обливал его сиянием...» (VIII, с. 144).

Я вошел; в церкви пусто, одна свеча горела пред иконою, и тихий голос Священника раздавался под сводами; он произносил заветные слова любви, веры, надежды; он возвещал таинство искупления, он говорил о Том, Кто соединил в Себе все страдания человека; он говорил о высоком созерцании Божества, о мире душевном, о милосердии к ближнему, о братском соединении человечества, о забвении обид, о прощении врагам, о тщете замыслов богопротивных, о бесперывном совершенствовании души человека, о смирении пред судьбами Всевышнего; он молился об оглашенных, о предстоящих!¹

Я бросился к притвору храма, хотел удержать беснующихся страдальцев, сорвать со сладострастного ложа их помертвелое сердце, возбудить его от холодного сна огненною гармониею любви и веры, – но уже было поздно! – все проехали мимо церкви, и никто не слышал слов Священника» [Одоевский, 1833, с. 447–448; отмечено: Вайскопф, 2002, с. 310–311].

* * *

Повесть о двух Иванах вызвала особенное негодование некоторых земляков Гоголя. По воспоминаниям современников, записанным В.А. Гиляровским, «после того уже как появился рассказ об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче» – мать Гоголя поехала «по делу в поветовый суд» Миргорода, там «чиновники были так злы на Гоголя, что Марье Ивановне не предложили сесть, и она простояла часа два, пока не получила нужную справку» [цит. по изд.: Кошелев, 2008, с. 58]. Вероятно, и подобное отношение, и отзывы критики, то унижавшей, то возвышавшей творения молодого автора, он вряд ли считал справедливыми. П.В. Анненков вспоминал, как Николай Васильевич сначала «сомнительно и даже отчасти грустно» отвечал в 1834 г. на «похвалы, расточаемые новой повестью» его: «Это вы говорите, – сказал он, – а другие считают ее фарсом» [Анненков, 1983, с. 52]. Но это легкое, комическое, фарсовое начало его таланта позволяло в сатирическом плане показать худшие национальные черты, открывая путь хрестоматийному «смеху сквозь слезы». Наступало время гоголевских комедий, о которых речь впереди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анненков, П. В. Литературные воспоминания / П.Ф. Анненков // П.В. Анненков; вступ. ст. В.И. Кулешова. – Москва: Художественная литература, 1983. – 694 с. – (Серия «Лит. мемуары»).

¹ *Оглашенные* – люди, еще не принявшие крещение, но уже наставляемые в основах веры; в православной церкви они могут находиться только в притворе храма и не участвуют в церковных таинствах. *Предстоящие* – участвующие в церковной службе.

Белый, Андрей. Мастерство Гоголя: Исследование / Андрей Белый. – Москва; Ленинград: ОГИЗ, 1934. – 320 с.

Вайскопф, Михаил. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст / Михаил Вайскопф. – 2-е изд., испр. и расшир. – Москва: Изд-во РГГУ, 2002. – 686 с.

<Гоголь, Н. В.> Миргород. Повести, служащие продолжением *Вечеров на хуторе близь Диканьки* Н. Гоголя: Ч. 1–2 / Н.В. Гоголь. – Санкт-Петербург, 1835. – 224 с. + 215 с.

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н.В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Денисов, В. Д. «История Иванов» в раннем творчестве Н.В. Гоголя / В.Д. Денисов // *Культура и текст*. – 2019. – № 2 (37). – С. 168–177. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2019/06/a14.pdf>. (01.11.2019).

Есаулов, И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя) / И.А. Есаулов. – Москва: Изд-во РГГУ, 1997. – 100 с.

Кошелев, В. А. О «Предисловии» к гоголевской повести о двух Иванах / В.А. Кошелев // *Гоголеведческие штудии*. – Вып. 17. – Нежин: Изд-во НДУ им. М. Гоголя, 2008. – С. 55–67.

Мани, Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю.В. Мани. – 2-е изд., доп. – Москва: Художественная литература, 1988. – 414 с.

Никитенко, А. В. Дневник: в 3 т. / А.В. Никитенко. – Москва: Художественная литература, 1955–1956. – 1776 с. – (Серия «Лит. мемуары»).

Новоселье: Альманах А.Ф. Смирдина: в 2 ч. – Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1833. – 591 с.; Ч. 2. – Санкт-Петербург, 1834. – 575 с. (цензурное разрешение от 18 апреля 1834 г. дал А.В. Никитенко).

<Одоевский, В. Ф.> > б. ъ. й. Бал / В.Ф. Одоевский // *Новоселье*. – Ч. 1. – С. 443–448.

Перетц, В. Н. Кукольный театр на Руси (Ист. очерк) / В.Н. Перетц // *Ежегодник имп. театров. Приложение. Кн. 1*. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. СПб. театров, 1895. – 107 с.

Петрунина, Н. Н. Проза второй половины 1820–1830-х гг. // *История русской литературы*: в 4 т. – Ленинград: Наука, 1981. Т. 2. – С. 501–529.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А.С. Пушкин. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 12. – 576 с.

Суперанская, А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – Москва: Айрис-пресс, 2005. – 384 с. – (От А до Я).

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд. – Москва: Прогресс, 1986–1987.

REFERENCES:

Annenkov, P. V. Literaturnye vospominanija / P.V. Annenkov; vstup. st. V.I. Kuleshova. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1983. – 694s. – (Serija «Lit. memuaru»).

Belyj, Andrej. Masterstvo Gogolja: Issledovanie / Andrej Belyj. – Moskva; Leningrad: OGIZ, 1934. – 320 s.

Denisov, V. D. «Istorija Ivanov» v rannem tvorcestve N.V. Gogolja / V.D. Denisov // Kul'tura i tekst. – 2019. – № 2 (37). – S. 168–177. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2019/06/a14.pdf>. (01.11.2019).

Fasmer, M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / M. Fasmer. – 2-e izd. – Moskva: Progress, 1986-1987.

<**Gogol', N. V.**> Mirgorod. Povesti, sluzhashhie prodolzheniem Večerov na hutore bliz' Dikan'ki N. Gogolja: Ch. 1–2 / N.V. Gogol'. – Sankt-Peterburg, 1835. – 224 s. + 215 s.

Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. / N.V. Gogol'. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952.

Esaulov, I. A. Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedenija («Mirgorod» N. V. Gogolja) / I.A. Esaulov. – Moskva: Izd-vo RGGU, 1997. – 100 s.

Koshelev, V. A. O «Predislovii» k gogolevskoj povesti o dvuh Ivanah / V.A. Koshelev // Gogolevedcheskie shtudii. – Vyp. 17. – Nezhin: Izd-vo NDU im. M. Gogolja, 2008. – S. 55-67.

Mann, Ju. V. Pojetika Gogolja / Ju.V. Mann. – 2-e izd., dop. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1988. – 414 s.

Nikitenko, A. V. Dnevnik: V 3-h t. / A.V. Nikitenko. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1955–1956. – 1776 s. – (Serija «Lit. memuary»).

Novosel'e: Al'manah A.F. Smirdina: V 2 ch. – Ch. 1. – Sankt-Peterburg, 1833. – 591 s.; Ch. 2. – Sankt-Peterburg, 1834. – 575 s. (cenzurnoe razreshenie ot 18 aprelja 1834 g. dal A. V. Nikitenko).

<**Odoevskij, V. F.**> Ъ. Ъ. j. Bal / V.F. Odoevskij // Novosel'e. – Ch. 1. – S. 443–448.

Peretc, V. N. Kukol'nyj teatr na Rusi (Ist. ocherk) / V.N. Peretc // Ezhegodnik imp. teatrov. Prilozhenie. Kn. 1. – Sankt-Peterburg: Tip. Imp. SPb. teatrov, 1895. – 107 s.

Petrunina, N. N. Proza vtoroj poloviny 1820-1830-h gg. // Istorija russkoj literatury: V 4 t. – Leningrad: Nauka, 1981. T. 2. – S. 501–529.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t. / A.S. Pushkin. – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949. – T. 12. – 576 s.

Superanskaja, A. V. Sovremennij slovar' lichnyh imjon: Svrnenie. Proishozhdenie. Napisanie / A.V. Superanskaja. – Moskva: Ajris-press, 2005. – 384 s. – (Ot A do Ja).

Vajskopf, Mihail. Sjuzhet Gogolja: Morfologija. Ideologija. Kontekst / Mihail Vajskopf. – 2-e izd., ispr. i rasshir. – Moskva: Izd-vo RGGU, 2002. – 686 s.